

Глава XLIV

Трактуя о различных предметах, приводит Читателя к повороту дороги, на котором следует проститься

Для тех, которых судьба окружила многочисленными друзьями и родственниками, благословив вдобавок достаточно лимфатическим темпераментом, для того, чтобы если один из перезрелых плодов, густо усеивающих родственное древо, и упадет когда, то тотчас же заменить его другим в своей привязанности; слишком подробное описание последующих сцен было бы непонятно и мало пробудило бы в нём сочувствия. Для тех же, которые родились на свет менее избалованные и находятся приблизительно в том же положении, как и бедная Елена, описание горя ее и отчаяния, когда привезли тело брата ее из Лондона, было бы слишком тягостным.

Три дня прошло после постигшего Джаспера удара, и на старом Клоистергэмском кладбище роется новая могила.

Дёрдльс находится тут в своей сфере. Дёрдльс, мрачный и брюзгливый философ с живыми, делается общежительным, ласковым и весёлым товарищем с «Костлявыми». В настоящую минуту он получил приказание Минор-Канона и выполняет приказание с любовью и рвением.

Клоистергэм, как все маленькие городки, древние ли либо современные, разделяется на два класса любопытных: Любопытных-Неумолимых и Любопытных-Мимоходов. Первые любопытны по профессии,¹ порода их может быть причислена к классу праздношатающихся, вечно суесящихся африканских обезьян. Вторые, если не упустят случая заглянуть в окошко к соседу, когда оно отворено, а они проходят мимо, но зато не оставят дела, как первые, дабы удостовериться собственными глазами в совершаемом, задуманном и даже в том, чего никто никогда и не думал.

Поэтому первые, как только заметили Дёрдльса, направляющегося к кладбищу с инструментами, рабочими и обеденным узлом, тот же час наводнили древнее место успокоения, боясь пропустить малейший выброшенный камешек, разглядывая с любопытством зоолога-естествоиспытателя всякую окаменевшую от времени кость, будь то череп древнего аббата или хрящик от хвоста такой же древней Клоистергэмской собаки, рассуждая, обсуждая и записывая с небывалыми подробностями на скрижалях памяти.

К подобным Неумолимым Дёрдльс был еще суровее и неумолимее их самих.

«Умер кто?» – вопрошает Любопытный-Неумолимый.

«Нёшто² Дёрдльс копает спальные для вас, живых?» – летит к ним ответ с кучей грязной глины.

«А *на когда* назначены похороны, Мистер Дёрдльс?» – настаивает Любопытный-Неумолимый примирительным тоном, как бы желая пощекотать самолюбие Каменщика недосказанной фразой: «Кому же и знать, как не вам первому!»

Но Мистер Дёрдльс, поддающийся на ластивые ласки, как медведь на табак, и давно знакомый с ухватками Любопытных-Неумолимых, ворчит:

«Дёрдльсу нужды мало *когда*; Дёрдльс выкопает вам постель и приготовит вам её, а вы ложитесь в неё, когда будете готовы; ему всё одно!»

Но даже такое печальное приглашение не обескураживает Неумолимых.

«А из какого дома будет вынос?»

«Из такого, в котором найдутся двери для того».

И другой пирог из глины летит на вопрошателей.

Могила кончена, и Дёрдльс стоит над ней с любовью и гордостью.

«Нет, – бормочет он, утирая потный нос рукавом фланелевой куртки. – Лондонские-то вóроны такой не выкопают. Места нет у них довольно для того, да к тому и рук таких не будет!»

«К счастью Лондонских покойников, что не найдётся для них *таких* рук, чтобы слать им последние постели, так как иначе им всем пришлось бы делать складчину для поднесения куска

¹ Далее зачеркнуто: *род*.

² Неужели (*прост.*).

Виндзорского Мыла Мистеру Дёрдльсу», – ворчит один [из] обиженных Любопытных, отходя в сторону.

Но вот пробил и час – тот страшный для остающихся час, когда могила должна сокрыть любимую особу навеки! Пробил этот час и для Невилля Ландлесса, и тело его должно быть возвращено земле – прах праху; и будет оно лежать там навеки, пока последняя былинка его не исполнит своего предназначения до последнего таинственного превращения!

Хотя Любопытные-Неумолимые узнали об его похоронах лишь в тот самый час, но вследствие своего врожденного в них безошибочного чутья наводнили Клоистергэмское кладбище в ту самую минуту, как тронулась печальная процессия.

Многие помнили красивого юного «Африканца», как звали они его, и многие грустно качали головою. Но большая часть обитателей городка находилась под влиянием какого-то суеверного страха, не быв в состоянии сообразить, каким это чудом обвиняемый когда-то убийца очутился на месте убитого, тогда как убитый положительно показывался все эти три дня по Клоистергэмским улицам, пугая до истерики слабонервных лэди и заставляя даже сильных мужчин бежать от него без оглядки при одной той мысли, что вот он подумает немного, да и снова превратится в привидение.

Является Мистер Топ медленной печальной походкой, чтобы отворить двери Собора, через которые столько поколений входило и выходило живыми и мёртвыми. Походка Мистера Топа могла бы именоваться «Собственной Топовской Походкой», хотя она и разнообразна, и представляет свою отдельную отличительную черту³ в каждом Соборном церемониале. Пономарь практиковался в них целые двадцать лет, и принадлежит к одним из малочисленных личных дарований, которыми он вправе гордиться.

Является и торжественный хор Певчих в белых (когда они возвращаются из мытья) спальных балахонах, но – увь! – они являются как стадо печальных растерянных баранов, пастух и покровитель коих заблудился в непроходимой лесной чаще, и отсутствие Покровительственного Вожатого заметно в их блуждающих голосах и удивленных взглядах.

Является и главное шествие в похоронных мантиях и с зажженными факелами, на которых трепещет, и задувается, и порхает пламя, как столько же блуждающих огоньков-призраков на вершинах заколдованных могил; и по мере приближенья шествия похоронный колокол гудит, и стонет, и рыдает, пока тысячи отголосков из древних трещин и полуразрушенных углов и сводов не подхватывают гуденья, разносимого на крыльях невидимых Ангелов, сочувственно присоединяющих свое стенанье к безмолвному стенанью обливающихся кровью сердец, провожающих любимого к могиле.

Могила зарыта, и немногочисленная группа друзей Невилля возвращается к дому Минор-Канона, и проходит еще один тяжелый, печальный день для Мистрисс Криспаркль и Розы, истощивших всевозможные утешенья с Еленой.

Квартира Джона Джаспера стоит пустая со дня его неудавшегося бегства; с самого того времени Мистрисс Топ заперла её, предоставив в полное распоряжение бесчисленным призракам, вызываемых в продолжение стольких месяцев Музыкальным Учителем. На другой день после похорон Эдвин в обществе Мистера Криспаркля и Дэтчери собрался идти в неё, дабы собрать вещи, принадлежащие Джасперу, и, сложив, позаботиться, чтобы их сохранили в порядке – в неправдоподобном случае, что Регент выздоровеет. Очень неприятно и тяжело было для Эдвина выполнять эту обязанность, но он согласился по настоянию Криспаркля. Окончив все распоряжения и наблюдая за выносимыми вещами и мебелью, Дэтчери машинально опёрся на стоящий маленький стол с многочисленными бронзовыми украшениями, и к общему их удивлению из-под него выскочил небольшой потайной ящик, в котором лежал, по-видимому, знакомый Минор-Канону дневник Джаспера. Признав его и слыша от Криспаркля, до какой степени Регент успел ослепить его этими лживыми строками, записанными, по всем соображениям Септимуса, в самые горькие минуты отчаяния, когда сердце Регента должно было или излиться на конфиденциальную бумагу, или лопнуть, Эдвин стал с любопытством перелистывать дневник, стараясь найти в нём касающиеся до него места, но в ту самую минуту

³ Далее зачеркнуто: *свою*.

Криспаркль заметил в кипе сложенных на полу запыленных книг двойник дневника, и это обстоятельство так поразило его, что он обратил на него внимание и других. Оказалось, что Джаспер, – лукавство которого, вероятно, предвидело за многие месяцы выгоды, которые он мог извлечь из покупки двух совершенно одинаковых, без одной линии разницы тетрадей, – купил две переплетенные тетради, словом, двух близнецов. Тетрадь из потайного ящика была обвита длинным черным шарфом, который красовался на шее Джаспера в последний день, когда видали Эдвина в живых. Этот шарф он снял с шеи, всходя по задней лестнице к себе, и Эдвин заметил его висящим у него на руке, как только что Регент вошел в комнату, извиняясь перед им и Невилем, что заставил ждать его.

Пробежав дневник и оставив в стороне другой, в котором стояли лишь записи, показанные Джаспером Минор-Канону, трое джентльменов нашли в нём много интересного, чего никак не могли понять до того и что проливалось совершенно ясный свет на самые загадочные до того обстоятельства.

«Джентльмены и благородные Сотрудники! – восклицает Эдвин. – Целый год розысков и трудов заслуживают, по-моему, чтобы мы позволили себе удовлетворить справедливое любопытство. Я предлагаю составить митинг⁴, на котором будут прочтены вслух выписки из этих Тайных Мемуаров при отборном и дружеском кружке слушателей!»

«А я предлагаю, – говорит Дэтчери, – в число слушателей достойнейшего Клоистергэмского Философа Дёрдльса как главного виновника того, что вы можете сегодня читать их телесными глазами. Согласитесь, что мы обязаны ему вашей жизнью; тем более достоин похвалы его поступок, что мрачный Каменщик всегда предпочитал “Костлявых” живым».

«Принято единодушно и с рукоплесканием! – замечает Эдвин. – Кого еще?»

«Если бы я смел, – отвечает Дэтчери, смеясь, – то предложил бы еще в члены комитета тень Дёрдльса, Уинкса, сиречь Депутата. Только боюсь, что этот молодой джентльмен будет единодушно заболтирован⁵ под опасением всему обществу быть побитым камнями до окончания интересных выписок из дневника».

«Последнего, – добродушно соглашается Минор-Канон, – действительно лучше заболтировать. Но об Дёрдльсе – вы правы, его следует пригласить. Он вчера еще объяснял мне, что главное мученье его жизни состоит в том, чтобы дойти до открытия, каким образом успел Джаспер добыть себе двойной ключ от памятника Мистрисс Сапсеа. Эта тайна составляет задачу его жизни теперь».

Друзья расходятся, и Дэтчери направляется с тайным желаньем зайти посмотреть на маленькую Бетси, чтобы убедиться в ее сходстве с любимой сестрой. Он решился открыться и старой матери своей и разом вытянуть её из печальной среды, в которой она погрязла за последние годы.

Но дойдя до переулка, поворачивающего к реке, он замечает идущую по берегу старуху; Принцесса Курилка, видимо, не в духе и угрожает Небу кулаками в одиночной беседе с бешеными сожалениями о вырвавшейся у нее из рук жертве.

Минуту, только одну минуту, колеблется еще Дэтчери и затем поспешно следует за старухой, которая ковыляет по берегу.

Она поворачивает, так как прогулка ее, видимо, бесцельная, и холостяк приближается к ней с трепещущим сердцем.

Увидев его, Принцесса не может удержаться, чтобы не приняться за старую хитрость: сильный кашель овладевает ею, и она притворяется, будто не видит его.

Но Дэтчери, поравнявшись с нею, тихо зовёт её, заставляя обратить на себя внимание.

«Мистрисс, – произносит он слегка дрожащим голосом, – я бы хотел поговорить с вами».

Она останавливается и, озлившись, сердито отвечает:

«Аль вы так-таки и взяли в голову себе, что имеете право беспокоить да останавливать каждого крещеного человека, что идет себе по делу? Некогда мне болтать с вами. Ступайте своей дорогой!»

⁴ встречу (*англ.* meeting).

⁵ забаллотирован (*англ.* balloting).

«Я не желаю задерживать вас против вашей воли, моя добрая женщина, – кротко отвечает Седовласый с побледневшим лицом. – То, что я желал бы сказать, будет скоро сказано».

«Так говорите скорей! Какая там у вас нужда до старухи?» – ворчит Принцесса неприветливо.

Дэтчери еще более бледнеет, с трудом выговаривая слова:

«Я желал бы знать... хорошая ли у вас память?»

При этом вопросе, который Принцесса принимает за насмешку, она с бешенством взглядывает на него и хочет уйти, но в ту же секунду, обернувшись, произносит со слезами ярости на покрасневших веках:

«Должно быть, мало знали вы горя да нищеты на веку своём, что имеете сердце, способное смеяться над бедной осиротелой матерью! Это вы на что намекаете? Не на то ли, что вот старая дура ждала-ждала благодати Божьей отместить негодному развратнику, что погубил невинную ласточку ее, как злой коршун... а коршун-то и ускользнул из старых рук ее...»

И, залившись слезами бешенства и горьких воспоминаний, старуха ломает свои костлявые руки, приседая на обросший мхом камень, [и] судорожно рыдает.

В продолжение нескольких минут Дэтчери не произносит ни слова, желая дать время утихнуть этому пароксизму горести. Взгляд его на неё загадочен и губы дрожат.

«Вы неправильно поняли меня, милая моя, – начинает он так же кротко. – Не мне смеяться над чувствами, которые, к несчастью, слишком знакомы мне, как они ни мало христианские... Следите ли вы за мною, Мистрисс Трендерс?»

Последнее имя он выговаривает, как бы внезапно решась нанести первый удар.

«Кто... кто сказал вам имя это?.. – восклицает старуха, вскочив на ноги и глядя на него обезумевшими глазами. – Неужели Фопперти... Говорите, он предатель, а?»

«Не обвиняйте никого и не волнуйтесь. Приготовьтесь лучше к тому, что я должен сообщить вам, и выслушайте меня».

Старуха, сверкнув на него еще раз глазами, бормочет непонятные слова, но не двигается.

«Я спросил вас, хороша ли у вас память, потому что желал узнать... помните ли вы все подробности вечера, проведенного вами со мною у Минор-Канона?»

«Как забыть, ягнёночек! – с горечью произносит старуха. – Не выжила я еще из памяти, хоть и стара. В тот самый вечер вы сумели залезть мне в душу обещаниями да задабриваньями... так что и вытянули всё от старой, заставив её поклясться потерпеть еще [с] расправой... Старая послушалась вас, а теперь вот и ускользнул из рук ее – тот!»

И она снова яростным жестом морщинистой руки вытирает набежавшие слёзы.

«Вы упомянули нам в то время, – продолжает Дэтчери, не подымая перчатки, – что у вас было двое детей?»

«Не спорю», – лаконически отвечает старуха, глядя в морозную даль.

«Но вы только упомянули слегка тогда о сыне вашем, приписывая все несчастья жизни вашей и нищенскую старость одной дочери? Правильно ли я понял вас?»

«Ну а хоть и поняли, что толку *теперь* с того?» – бормочет Принцесса, бросая на него взгляд ненависти.

«Не расскажете ли вы мне чего-нибудь об этом другом – вашем сыне?»

«Рассказать трудно того, чего сам не знаешь... Он умер!» – говорит она, желая отвязаться от докучливого собеседника.

«Но совершенно ли вы в этом уверены?»

«Слушайте-ка и не гневайтесь за правду, мой любопытный джентльмен, – говорит Принцесса, подымаясь с места. – Не знаю, откуда узнали вы имя, которое так опостылело мне самой, что чем скорее забуду я его, то тем лучше. Не знаю также, почему вам стало так желательно тогда узнать всё, что случилось да приключилось с теми, что не к добру носили это имя, – вы успели вырвать у меня тогда то, чего никогда никому я не говорила, о чем боялась думать даже при посторонних, боясь, чтоб не помешали матери отомстить за дитё свое. Поверила я вам тогда, а теперь буду век каяться за то; когда бы не вы, то давно уже висела бы верёвка вокруг *его* бесовой шеи, – [произносит она] с усиливающейся яростью. – Чего вам захотелось еще узнать от бездомной, осиротелой старухи. Радуетесь, что ли, что помешали один раз, так ищите, не

помешаете ли еще в чем другом? Напрасно стараетесь, ягнёночек, – продолжает Принцесса с свирепой усмешкой. – Сын, что был, нету его, также как и дочери; да за него не с кого взыскивать. Он утонул!.. Довольны вы теперь?»

«Неужели не сохранили вы о нём никакого более нежного воспоминанья, что говорите так равнодушно о его ужасной смерти», – спрашивает Дэтчери, стараясь прочесть яснее в этом морщинистом пергаменте и заглядывая ей в лицо с беспокойной тоской в глазах.

Принцесса оборачивается к нему как ужаленная:

«Спросите у железа, которое выковали десятками тысяч ударов да закалили его в огне, сжигая да пережигая, любо ли было ему под ударами, прежде чем оно затвердело!» – и грустно смотрит на холодные волны, убегающие в океан.

«Но почему же вы так уверены в смерти его?»

«А потому, – отвечает она злобно, – что лучше знаю собственного сына, чем вы! Он всегда любил и уважал свою старую мать, несмотря на то, что она была перед ним как неученая, простая дура. Кабы был он жив, дорогой мой Энри⁶, – продолжает она, тихо заплакав на этот раз, – то недолго бы заставил себя ждать. Бедная наша Бетси была для него всё одно, что божья душа его, и он молился на неё... Нет! Отняла у меня злая судьба обоих детей моих, и чем скорее лягут в могилу эти старые кости, тем лучше!»

Странно слабы бывают в иные минуты нервы старых холостяков! У Дэтчери, глядя на неё, катятся две крупные горячие слезы по загорелым щекам.

«А что подумали бы вы, – говорит он, дотрагиваясь до дряхлых дрожащих рук своей мощной, но не менее дрожащей рукой, – когда бы вам сказали, что вот уже несколько месяцев, как узнал он, где вы, и узнал даже саму вас, несмотря на страшную перемену, произошедшую в вас в эти пятнадцать лет, но молчал и не хотел открыться вам, боясь разрушить ваше счастье почти так же внезапно, как оно пришло бы к вам?»

«Я подумала бы, что это непохоже на моего Энри, и не поверила бы ни слову из всего этого!» – восклицает торжественно старуха.

Дэтчери нагинаяется к ней еще ближе и продолжает:

«А что, если бы явился он сам к вам, удостоверив вас, что узнал свою мать с самого того вечера, как вы открыли всю горестную свою жизнь Минор-Канону и мне, и что в то же самое время, как вы искали отомстить негодяю, разрушившему ваше счастье и убившему его сестру, он, ваш Энри, втайне преследовал того же негодяя, решившись пожертвовать собственной жизнью лишь бы пролить самому всю кровь чудовища?»

Старуха взглядывает на него и снова заливается слезами.

«Ох-ох! Мой ягнёночек! – жалобно произносит она, вздыхая и отирая слёзы. – Не говорите вы так со мною! Грех так пытаться бедную старуху, что глядит-то прямо в могилу... Зачем вы только говорите мне всё это?»

«Неужели, если⁷ сам он пришёл бы к вам и просил бы простить ему поступок его в том, что он не открывался вам из одной горькой боязни сделать вашу жизнь еще несчастнее, когда пришел бы час⁸ заплатить ему жизнью за жизнь другого, – неужели бы вы не простили ему и тогда?»

«Простила бы, но для чего вы говорите мне это?» – спрашивает старуха, едва дыша.

«Потому что я знаю Капитана Трендерса, знал его всё это время, когда вы и не подозревали даже, что он еще в живых, не только что сын ваш находится в двух шагах от вас!»

Она вытаращила на него глаза и стоит теперь, как статуя ожидания... Но не слыша продолженья, хватает его за руку, спрашивая прерывающимся и умоляющим голосом:

«Господь, помилуй нас и сохрани!.. Мой добрый, дорогой джентльмен, что это вы говорите?»

Странная, неожиданная перемена происходит с Седовласым; он поспешно снимает шляпу, оглядываясь кругом, и, схватившись другой рукой за седую развевающуюся гриву, стаскивает с себя то, что всякий куафёр⁹ признал бы за превосходно сделанный парик. Явившись перед

⁶ Генри (англ. Henry).

⁷ Далее зачеркнуто: *бы*.

⁸ Далее зачеркнуто: *ему*.

⁹ парикмахер (*устар.*, *фр. coiffeur*).

оторопевшей Принцессой красивым человеком лет тридцати пяти или шести, он восклицает, обнимая её со всей горячностью любви:

«Мать! Моя бедная, старая мать! Неужели ты не узнаешь меня?.. Меня, твоего пропадавшего так долго, но не забывшего тебя Энри?»

«Энри! – бормочет старуха. – Мой Энри!.. Господи, благослови и помилуй... Нет, это так. Наконец, Господь, хоть Ты сжалился над старой осиротевшей старухой!»

И она падает, задыхаясь, почти без чувств на грудь того, кого мы станем продолжать звать Дэтчери. Картина изменилась как бы волшебством.

Вместо дряхлой, лукавой, пронырливой Принцессы Курилки с ее кошачьими ухватками, вечно жалобным нищенским завываньем и наружностью прародительницы семи смертельных грехов на груди холостяка лежит любящая старая женщина, превратившаяся под горячим божественным чувством материнской любви в священную и неприкосновенную для него личность.

Она скоро оправляется от незнакомого ей избытка счастья скорее, чем сама думала и надеялась, так как горячо молилась в эту блаженную для нее минуту – не умереть под влиянием этого неожиданного блаженства.

В то самое время как, взглянув на сына, она еще раз бросается к нему на шею, почти за спиною у них раздается визгливый неприятный голос, насмешливо восклицая:

«Ишь ты! И не стыдится ведь так целоваться на старости лет, словно сдурела совсем от седых *волосьев*, – ей-а! А кто идет прямо на воробушков? Вона, сам высокородный Мэр – у вас за затылком! Эх! Да и достанется же ее Королевскому Высочеству от Мистера Сап-се-а!»

И чудовищный Депутат заканчивает имя Великого Ума, присвистнув и пускаясь в неприлично оживленный танец перед Самым Носом Власти. Видимо, не узнавая Дэтчери, он оглядывает его, раскрыв беззубый рот и похрюкивая носом, всё время моргая ему поочередно на Сапсеа и на Принцессу, как бы желая внушить ему, что хотя он и поймал их, но промолчит, коли тот сумеет купить молчанье.

Дэтчери, немедленно обернувшись при звуке знакомого голоса, замечает приближающегося Мистера Сапсеа. Великий Ум ступает медленно и величественно, не обращая, по-видимому, никакого внимания на происходящее вокруг него, как оно и подобает всякому сосредоточенному у самого себя Разуму.

Чувствуя в себе весьма мало желанья в подобную минуту входить в неизбежные прения с благородным Мэром-Аукционером по поводу столь быстрого изменения в наружности, Дэтчери, уловив удобное время, – когда глаза Сапсеа изучают проблему жизни в грязно-серых тучах, нависающих над ним, а Депутат, в видах собственных санитарных воз[з]рений¹⁰ на приятное препровождение времени, стоит на голове, – мгновенно облачается снова в седовласый парик и, надев шляпу, является по-прежнему старым холостяком, праздно живущим на собственные доходы. Едва успел он совершить преобразование, как Чертов Младенец, достаточно изучив земное пространство в ближайшем соседстве с носом, решается занять более нормальное положение и, взглянув по направлению незнакомого джентльмена, находит на его месте без всякой понятной на то для себя причины столь знакомого Дэтчери.

Ужас и изумление попеременно изображаются на лице юного феномена; издав пронзительный свист (обыкновенный проводник всех внутренних ощущений его), Депутат отшатывается назад, восклицая:

«Аль тот, аль та, либо оба черти!» – заканчивая восклицание характерным па, причем, споткнувшись, катится под ноги Мистера Сапсеа.

Последний, медитация коего прервана этой неожиданной преградой, удостаивает человечество опустить глаза на землю и к неопisanному удивлению своему замечает, что Депутат осмеливается плясать под аккомпанемент свиста, – да, положительно осмеливается на такой неуважительный проступок на собственной, выбранной Великим Умом тропе! На минуту Мистер Сапсеа остается как бы подавленным при виде такого оскорбления, но вспомнив тут же, к счастью своему, что Царь Соломон допускал подобные представления, поощряя их даже в народе, а далее,

¹⁰ Далее зачеркнуто: *стоит*.

что вышереченный Царь считался весьма неглупым человеком и даже мудрым в некоторых отношениях, Великий Человек успокаивается и приостанавливает свою прогулку, одарив Депутата коротким, но уже доброжелательным взглядом.

Так как мысли Мистера Сапсеа спустились с высот величия и Суеты Мирской и сам Мистер Сапсеа убеждается, что он, к сожалению своему, снова пришел в соприкосновение с вульгарными земными умишками, то Мистер Сапсеа и бросает вокруг себя рассеянный взгляд, который останавливается на Принцессе и Дэтчери; должно быть, Великий Человек находится в необычайно снисходительном расположении духа в этот день, так как, узнав холостяка, он тотчас же протягивает ему левый указательный палец, прочитав об этой привычке [у] одного из великих¹¹ мыслителей своей родины.

Сделав незаметный для других знак Принцессе удалиться, Дэтчери низко раскланивается перед стоящим Мэром.

«Чрезвычайно рад, что имел счастье встретить Вашу Честь, так как эта встреча с Вашей Честью напоминает мне об некоторой покорной моей просьбе к Вашей Чести. Свободны ли Вы сегодня вечером, Господин Мэр?»

Хотя его Честь знает лучше всякого, что его вечер так же свободен, как и он сам, от всякого занятия, но сей Верховный Представитель Класа Верховных Двуногих Ослов поколебался ответить утвердительно с первого слова, смутно подозревая, что великие занятия Умы не должны быть часто свободны от занятий дневных либо вечерних; поэтому под влиянием этой вдохновенной мысли Мистер Сапсеа, заложив большие пальцы обеих рук за разрезы рукавов жилета, полузакрывает глаза и, покачиваясь с пяток до оконечности носков и обратно (по другому вычитанному примеру), с видимым колебанием отвечает Дэтчери, что «кажется – насколько припомнит – не занят».

«Так не доставит ли нам Ваша Честь удовольствие присоединиться сегодня вечером к нашему кружку – все отборнейшие личности – в доме Преподобного Минор-Канона?»

Мистер Сапсеа снисходительно соглашается, но с таким видом, который должен произвести на Дэтчери глубокое впечатление о громадности подобного снисхождения.

«Само собой разумеется, – добавляет Великий Муж, – и я вполне надеюсь, что собрание это будет принадлежать к разряду Облагораживающих, к нечто Возвышенному. Полагаю, что цель оно не одно вульгарное желание поболтать, но единственно размен разумных Идей, соединенье приятного с полезным; ничего такого, словом, что было бы *не* английским!»

Покачиванье с пяток на носки и обратно делается величественнее, а самонадеянность в выражении физиономии еще напыщеннее.

Случилось так, что оба джентльмена, повернувшись, чтоб идти, оба заметили зрелище, вызвавшее краску негодования на лице Мистера Сапсеа и краску тщетных усилий, чтобы не расхохотаться, со стороны Мистера Дэтчери.

В двух шагах от них Депутат, засунув оба больших пальца за подтяжки и подняв голову к бесконечному пространству, покачивался на пятках и носках в позе, отражающей, как в миниатюрном¹² зеркале, позу Мистера Сапсеа.

«Эй, Уинк! Иди сюда», – кричит ему холостяк, приводя необычайным усилием лицевых мускулов физиономию в серьезное выражение.

«Чего вам?» – осведомляется Младенец, не переменив позы.

«Сходи к Дёрдльсу и объяви от меня, что я ожидаю его сегодня вечером ко мне ровно в семь часов».

«Ай – вот – словил тебя – де-ржись –
Уйде, уйде, уек-кок – *бере-гись!*»

¹¹ Далее зачеркнуто: *д.*

¹² миниатюрном (*устар.*).

И провизжав последнее слово с завыванием прямо под нос Уму (с беспримерным нахальством, в глазах этого Великого Человека), мальчишка отправляется исполнить комиссию тем же медленным и величественным шагом, который перенял у Мэра.

Вытаращив глаза на исчезающего Депутата, Сапсеа не может прийти в себя от подобного оскорбления, но, стараясь скрыть негодование свое от Дэтчери, произносит как бы вдохновляемый внезапным наплывом филантропии:

«Несчастный ребёнок!.. Какая будущность... Гмм!»

Дэтчери старается изменить течение мыслей обиженного в достоинстве своём Сапсеа и наводит разговор на недавние, поразившие весь город события.

«Гмм!.. Гмм! – мычит Великий Муж. – Да, странно, весьма странно кончил наш достойный Регент; но, может быть, один я из всего города разгадал уже давно Мистера Джаспера. Он был весьма замечательным индивидуумом, сэр, весьма. Так как я имею всякое основание считать себя справедливым и тонким наблюдателем рода человеческого, сэр, – хотя наблюдения мои ограничивались, правда, пределами моего родного города, который, если и не пространен, то зато доставляет всевозможные самые разнохарактерные матерьялы для философических воз[з]рений на человечество, тем более для возвышенного Ума, – то я давно и понял этого странного джентльмена, вывернув его, так сказать, всего наизнанку одною силою внушительной риторики, но, признаюсь, даже Я (тыкая себя указательным перстом в отвисшую жирную грудь), Я сам, ошибся несколько в этой загадочной натуре... сэр! Вы, может быть, не поверите такой странной случайности – можете подумать, что я ошибаюсь, что это невозможный, необъяснимый факт, но ручаюсь вам в том, что это так: Джон Джаспер успел, если не обмануть, то ослепить на минуту даже Меня!»

Что бы Мистер Дэтчери ни думал или во что бы ни верил, но он сохраняет это в самом себе, а вот что отвечает Мистер Дэтчери Мистеру Сапсеа:

«К чему относит Ваша Честь то странное обстоятельство, что Джаспер успел добыть себе вход ключом – очевидно, не Вашим – в склеп покойной супруги Вашей Чести?»

«Не имею ни малейшего понятия об этом, сэр; Я не могу отдать себе отчета в нём, поэтому имею право сомневаться в самом факте и даже отвергнуть его! Если факт существует, то он находится вне пределов Моего понимания, и я не могу объяснить его; а если Я не могу объяснить его, то *кто же* может?»

Последняя фраза произнесена с искренним сожалением к остальным мозгам человечества, и Мистер Сапсеа выразительно кивает головой, как бы одобряя сказанное.

«Кто знает? – таинственно замечает холостяк. – Иногда самые пустые случайности открывают нам ключ к загадкам, которые не открыл бы сам Сфинкс иначе; но у меня есть некоторое дело, поэтому вы извините меня, если я принуждён оставить Вашу Честь до той приятной минуты, когда я снова встречу с Благородным Мэром у Минор-Канона».

И с глубоким поклоном Дэтчери удаляется.

Когда Эдвин Друд открыто появился на улицах Клоистергэма, изумление было более или менее разделяемо всей публикой, но более всего кричали, спорили и удивлялись те, которые никогда не сомневались с первой минуты в том, что он убит. К числу последних принадлежал Мистер Сапсеа; сей Великий Муж даже огорчился подобной для себя случайностью, так как она ясно доказывала, что Невиль Ландлесс был напрасно заподозрен в убийстве и даже в попытке на оное, как оно оказалось; а так как Сапсеа в силу своей непогрешимости всегда настаивал на вышесказанном факте, то понятно, что¹³ неожиданное появление Эдвина служило явным противоречием неотразимой логике фактов, как представленных Мэром. Одна идея о том, что происшествие это послужит к ослаблению его репутации Клоистергэмского Пророка, бесило и повергало супруга Этелинды в неопisanную злобу. Поэтому услышав, что памятник, сооруженный *Им*, памятник, который должен был перейти к будущим поколениям в виде *восьмого чуда света*, послужил местом бесчестного притона злодеянию, Мистер Сапсеа пришел в благородное негодование и напрямик отказался поверить заявлению.

¹³ Далее зачеркнуто: *Эдвин*.